

С.А. Королевич (Брест, Беларусь).

СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ «УСЕЧЕННЫХ» ПАРЕМИЙ

В пассивной части паремического фонда русского языка существует немало пословиц и афоризмов, синтаксическая структура которых отличается от построения привычных для современного носителя устойчивых выражений. Эти отличия многообразны. Так, материалы самых ранних сборников русских пословиц [1], в которых фиксируются даже тексты XVI века, содержат выражения со структурными отличиями разного рода. Здесь есть тексты, в которых изменилась первая часть, выглядевшая иначе, сравним: *Пригож колчан стрелами, а обед пирогами* [1, с. 388]; *Красна дорога ездоками, а обед пирогами* – и современный текст по сборнику В.П. Жукова [2]: *Красна изба углами, а обед пирогами; Треску боятца и в лес не ходить* [1, с. 392] – *Волков бояться – в лес не ходить* [2, с. 71]. В других пословицах отличалась вторая часть: *Красна пава перьем, – а жена мужем* [1, с. 374] – сравним: *Красна птица (пава) перьем – а человек ученым* [2, с. 147]; *Бояться волков – быть без грибков* [1, с. 356] – *Волков бояться – в лес не ходить* [2, с. 71]. В некоторых древних паремиях узнаваемый смысл выражен в полностью непривычной форме. Например, наряду с известной и в наше время паремией *Великому короблю велико и плавание* [1, с. 357] материалы самого раннего сборника русских пословиц содержат выражение *Болишому черту большая и яма* [1, с. 358]. Аналогичен паремический текст *Сколько лодье не рыскать, а у якоря быть* [1, с. 406], образный смысл которого в наше время имеет другое вербальное воплощение: *Сколько веревку ни вить, а концу быть* [2, с. 301].

Как свидетельствуют наблюдения над содержанием старинных паремических сборников, довольно часто структурное обновление паремии связано с ее сокращением. Оказывается, многие из ныне известных выражений в прошлом представляли собой предложения сложной структуры, но сейчас функционируют в усеченном виде. Например, в сборнике «Мудрое слово Древней Руси» отмечен целый ряд выражений, в которых вторая часть в наше время стала неактуальной: *Голод не тиотка, пирожка не подсунет* (362); *Ласковое телетко две матки сосет, а лихое и одну запустит* [1, с. 377]; *Хлопот полон рот, а перекусить нечево* [1, с. 394]; *Рука руку моет, а обе хотят белы быть* [1, с. 388]; *Не всё коту масленица – иногда и великий пост* [1, с. 413]; *Всякое дело мастера боится, а инога и мастер бегаёт* [1, с. 416]; *Чудеса в решете: дир много, а вылесть негде* [1, с. 430]; *Горбатого исправит могила, а прямова дубина* [1, с. 420] и др.

Несомненно, существуют причины «усечения» паремий, хотя точно установить их в каждом случае трудно. Но мы сосредоточим внимание на результатах этого усечения. Сопоставляя смысл исконных паремических текстов и их современных усеченных вариантов, попытаемся выявить характер смысловых трансформаций паремических текстов, возникающих в результате изменения их структуры.

Наблюдения над пословицами, выступающими в сборниках разного времени, позволяют отметить как следствие сокращения структуры паремий прежде всего формирование обобщенного образного смысла. Такой вид смысловой трансформации отмечается в тех случаях, когда утрачивается поясняющая часть древнего паремического текста. Очевидно, сначала высказывание характеризовало конкретную ситуацию, затем распространялось от прототипической ситуации на схожие случаи (это вызывало появление синонимичных выражений с разными уточнениями смысла), и, наконец, происходило обобщение смысла. Так, в древнейших записях пословиц Тённи Фенне (купец, посетивший Русь в 1607 году) находим громоздкое выражение с несколько расплывчатым содержанием: *Рука руку моет, ино будут обе чисты; таково же – друг другу любит, а бог обеих* [1, с. 346]. Несколькими десятилетиями позже структура пословицы упрощается за счет утраты назидательного сопоставления, а смысл конкретизируется: *Рука руку моет, а обе хотят белы быть* [1, с. 388]. Аналогично прочитываются эти пословицы и у В.И. Даля: *Рука руку моет – обе белы живут; Рука руку моет – обе хотят белы быть* [3, IV, с. 110]. Одновременно появляется и пословица с обновленной второй частью: *Рука руку моет, вор вора кроет* [3, IV, с. 110]. С течением времени это привело к формированию нового образного смысла с негативной оценочностью ‘ты полезен мне – я тебе’, с которым паремия *Рука руку моет* вошла в актуальный фразеологический фонд русского языка.

Аналогично изменялся и смысл пословиц *Не всё коту масленица – иногда и великий пост; Чудеса в решете: дур много, а вылесть негде; Голод не тютка, пирожка не подсунет; Езык мой – враг мой, прежде ума моего рыщет* [1, с. 402] и мн. др.

Примечательно, что при этом как отголосок смысла утраченной части нередко формируется оценочный компонент паремии. Так, например, выражение *Два сапога пара* в актуальном паремическом запасе имеет пейоративную коннотацию неслучайно, потому что восходит к тексту *Два сапога пара, и оба на левую ногу* [4, с. 74]. Аналогично сформировалась мелиоративная оценочность паремии *За битого двух небитых дают*, сравним: *За битого двух небитых дают, да и то не берут* [4, с. 101] и т.п.

Сокращение структуры паремического текста может также приводить к конденсации образного смысла. Такой вид смысловой трансформации

ции выступает при утрате структурной части, содержащей сопоставление. Рассмотрим в качестве примера историю современного паремического текста *Не пойман – не вор* (Ж, 217). Названный текст в древнейшем варианте тоже имел две части, причем вторая часть содержала слово, в наше время вошедшее в инвективную лексику: *Не пойман – не тать, не понята – не б...* [1, с. 382]. Позже в народной речи этот смысл мог обретать и вполне цензурное оформление: в словаре В.И. Даля находим: *Не пойман, не вор, не уличена, не гулява* [3, I, с. 407]. В.П. Аникин тоже приводит эту поговорку, сохраняющую не только вторую часть в облагороженном звучании, но даже ритмичность: *Не пойман – не вор, не уличена – не гулёна* [4, с. 222]. Обобщение образного смысла вызывало присоединение к первой части и других параллелей, например: *Не пойман – не вор, не укуплен – не холоп* [1, с. 414]. В конечном итоге расширение образных сопоставлений привело к тому, что постепенно все смыслы, в разное время выражаемые второй частью, аккумулировались в первой части. К тому же содержание, эксплицируемое прежде второй частью, часто становится неактуальным в силу изменения социального строя и некоторых нравственных ценностей. И тогда выражение обретает окончательную форму: *Не пойман – не вор* – с ёмким смыслом, позволяющим оправдывать любого подозреваемого в неблаговидных поступках, если отсутствуют их прямые доказательства.

Подобную смысловую трансформацию, на наш взгляд, переживают и следующие паремические тексты: *Сапожник без сапогов, а портной без кафтана; В хлебе не без ухвостья, а в семье не без урода; Было бы болото, а черти будут. Был бы лес, будет и леший* и др. Яркой иллюстрацией такого вида смысловой трансформации выступает текст, отмеченный в «Большом словаре русских пословиц» В. Мокиенко: *Вольному воля, спасенному рай, бешеному поле, черту болото* [5, с. 146].

Вместе с тем утрата структурной части паремии может вести и к значимым потерям в содержании паремии. Усечение части паремического текста иногда обуславливает в нем развитие чуть ли не противоположного смысла. Интересно в этом плане сопоставление исконного и актуального вариантов известного выражения *В здоровом теле здоровый дух*. Названный афоризм латинского происхождения, согласно показаниям «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, традиционно понимается так: ‘у здорового человека здравые и мысли’ [2, с. 52]. Однако в основе этой строчки Ювенала, ассимилированной русским языком, лежит известная в Древнем Риме поговорка: «*В здоровом теле здоровый дух – редкое явление*», смысл которой вовсе не сводится к утверждению того, что здоровье физическое – гарантия здоровья морального. Следовательно, усечение структуры порождает кардинальную смысловую трансформацию паремии. Аналогично изменился смысл и других текстов: *Всякое дело*

мастера боится, а иной мастер и дела бегаёт → *Дело мастера боится. Старый конь борозды не испортит, да и глубоко не вспашет* → *Старый конь борозды не испортит; От работы кони дохнут, а люди крепнут* → *От работы кони дохнут.* Усечение паремии ведет не только к упрощению смысла, но и к появлению противоположного оценочного содержания первой части. Выразителен в этом плане текст *Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха* [4, с. 164], который изначально имел обобщенный негативный смысл, производный от лексического наполнения текста (*дыра, прореха, лихой* 'плохой'), но в актуальном употреблении этот смысл, по В.П. Жукову, позитивен: *Лиха беда начало (почин)* – 'начинать любое дело трудно, потом будет легче' [2, с. 162].

Наконец, сопоставление древнейших и современных паремических сборников показывает, что в ряде случаев сокращение синтаксической структуры паремического текста обуславливает потерю существенной части смыслового содержания. Сравним: *Новая метла чисто метет, а обломается – под лавкой навалается* [1, с. 236] – *Новая метла чисто метет* [2, с. 229]. *Горбатого исправит могила, а прямова дубина* [2, с. 420]. В подобных примерах прагматическое содержание паремии обедняется наполовину. Хотя, очевидно, так достигается лаконизм паремии и усиливается ее образность.

Устойчивость структуры и семантики паремий, воспроизводимость в речи обычно служат доказательством принадлежности их к числу языковых знаков. Однако наши наблюдения показывают, что обобщенный смысл паремии как семиотического знака зависит от ее функционирования как текста. Изменения в структуре текста ведут к смысловым трансформациям паремий, которые могут, с одной стороны, усиливать обобщенность семантики пословиц, но с другой – ведут к формированию новых оценочных и образных компонентов прагматического смысла, что, в конечном счете, не исключает даже возможности их полной десемантизации.

Литература

1. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.): Сборник / Сост. В.В. Колесов – М.: Сов. Россия, 1989. – 463 с.
2. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х томах. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989.
4. Русские пословицы и поговорки / Под редакцией В.П. Аникина – М.: Худ. лит., 1988. – 431 с.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва : ОЛМА-Медиа Групп, 2010. – 1024 с.